

«Тьма, пришедшая с Мёртвого моря, поглотила ненавидимый инородцами город. Пропал старинный русский город, как будто не существовал на свете. Всё пожрала тьма, напугавшая всё живое в городе и его окрестностях...»

В 2021 году отмечается много замечательных литературных юбилеев и важных памятных дат. В их числе—190 лет со дня рождения классика мировой литературы, самобытнейшего писателя русского Николая Семёновича Лескова (1831–1895), связанного самыми крепкими нитями со своей малой родиной—орловской землёй. Однако в год славного юбилея *«самого русского из русских писателей»* и его соратников по перу рождаются размышления неюбилейные, непаздничные.

Интерес к великой русской литературе и творчеству моих прославленных земляков—орловских писателей-классиков, к христианской составляющей их наследия повсюду в мире неизменно высок. В нашей стране и за её пределами людям для умственного и духовного роста необходим честный и чистый голос замечательных русских художников слова. Орловская земля—родина Лескова, Тургенева, Фета, Бунина, Андреева (в августе Леониду Андрееву—150 лет) и ещё целого созвездия непревзойдённых мастеров русского слова—по праву должна бы всегда являться центром всероссийских и международных празднований юбилеев выдающихся писателей-орловцев.

Казалось бы, Орловщина в отношении к литературе более всего призвана быть лидером и примером для других регионов страны, средоточием её литературно-общественной жизни. Однако это не так. Вот один из красноречивых фактов. Во множестве городов России, не претендующих, как Орёл, на звание «литературных столиц», выпускается специализированная литературная периодика. Но, как ни парадоксально, в литературном Орле не осталось ни одного периодического издания, где можно было бы опубликовать

научно-публицистические статьи и материалы о духовно-нравственном содержании отечественной словесности.

Моя книга *«Христианский мир И. С. Тургенева»*, удостоенная Золотого диплома Международного славянского форума «Золотой Витязь», была издана в издательстве «Зёрна-Слово» в Рязани, поскольку в Орле, на родине писателя, не нашлось издательства, которому новое освещение его творчества с христианских позиций было бы интересно. Полную отстранённость и безразличие к этому вопросу проявили также власти предрержащие, к кому я обращалась лично за помощью и поддержкой. В прямом смысле накануне юбилея Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883), 8 ноября 2018 года, директор Орловского краеведческого музея, в недавнем прошлом—начальник областного управления культуры, Д. А. Моисеев распорядился снять книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» с реализации, руководствуясь, по всей видимости, «законом Моисеевым», противостоящим благодати Христа.

Разочарование и подавленность—таково общее настроение истинно образованных земляков Тургенева, которые напрасно надеялись, что 200-летие писателя—значимое событие в литературной жизни не только России, но и ближнего и дальнего зарубежья,—поможет оздоровить духовную, морально-нравственную, культурную, образовательную сферы в Орле и Орловской области—на родине всемирно известного писателя-классика.

К 200-летию Тургенева властные структуры города и области вознамерились готовиться ещё за несколько лет до памятной даты, когда появилась государственная программа подготовки празднования юбилея писателя и в регион стали поступать немалые денежные суммы—около двухсот миллионов рублей—на реализацию этой программы. Замышлялось масштабное, грандиозное торжество с множеством мероприятий. Однако

никакого духовно-эмоционального подъёма, радостной атмосферы по-настоящему большого праздника, поднимающего настроения не ощущалось. Вероятно, не все финансовые средства, выделенные на подготовку к тургеневскому юбилею, использовались по прямому назначению. Непосредственно связанные с жизнью и творчеством писателя памятные литературно-исторические объекты Орла — например, «Дом Лобановых» — разрушены и продолжают разрушаться. Поблизости от Дома-музея Н. С. Лескова совсем разваливается ещё один памятник культуры, драгоценный для всякого образованного человека, — «Дом Лизы Калитиной», описанный в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», а затем в «нобелевском» романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», в изящных стихах Константина Бальмонта.

При этом местные чинуши да «придворные» прихвостни как ни в чём не бывало демонстрировали привычное самодовольство и бахвальство, исполняя, как всегда, свою заезженную песенку: «А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо». Однако этим наглым, опротивевшим, затасканным заверениям уже давно никто не верит, в том числе и сами профессиональные лжецы при «кормушке».

В то самое время, когда разрушались здания памятников культуры, в городе и за его пределами возводились и возводятся стоящие десятки миллионов особняки и целые усадьбы местных «царьков» — чиновников и здешних олигархов. И всё это — в дотационном регионе страны... Один такой таунхаус даже раскинулся в самой непосредственной близости к лесковскому музею, отхватив «плутовским манером» кусок сада на прилегающей к Дому-музею территории.

Согласно православной аскетике, нечисть тоже стремится прилипнуть к святому и чистому, пытается таким способом покрыть свою нечистоту. Бес может прикрыться и ангельским одеянием, кровавый волк — шкурой кроткой, безобидной овцы.

Орловские власти за пределами региона неизменно представляют Орёл как «литературную столицу», «литературный центр» России. Именно такой была экспозиция Орловской области на Олимпиаде в Сочи, сопровождавшаяся высказываниями Тургенева о родине. Факел параолимпийского огня в Орле зажигали от символического писательского пера. На международном инвестиционном форуме даже соорудили беседку-ротонду с именами земляков — русских классиков мировой литературы.

В самом деле, великое наследие писателей-орловцев — единственное, чем по-настоящему может гордиться Орловская область, чем она прославлена доброй славой во всём мире. Только это никак не связано с деятельностью властей предрежущих, это вовсе не их достижение и заслуга. И, как видно,

от пафосных прожектов об Орле как о «литературной столице России» и высокопарных слов, мертворождённых напыщенно-себялюбивыми чиновниками, до реального дела — «дистанция огромного размера».

К огромному сожалению, современное состояние общества таково, что множество людей, в том числе номинативно православных, никогда не читали Нового Завета. Подавляющему большинству также не до классиков литературы и не до чтения вообще. В качестве основного «источника познаний», по большей части вредоносного для духовно-нравственного здоровья нации, выступают телевизор и компьютер. Не выправил эту ситуацию и объявленный Годом литературы 2015 год. Точно так же, как в 2007 году Год русского языка остался всего лишь помпезным ярлыком: с тех пор не убавилось повальной безграмотности, словесных нечистот, загрязняющих и унижающих наш родной язык. Тот самый «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», который Тургенев за год до смерти воспел в своём шедевре, ставшем бессмертным, — в стихотворении в прозе «Русский язык» (1882). Есть в нём пророческие строки, одновременно и горькие, и ободряющие, словно мост, перекинутые в наши дни: от прошлого — к неутешительному настоящему, а от него — к всеяющему надежду будущему: «*Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!*»

Однако следом вспоминаются хрестоматийные (и снова пророческие!) строки Николая Алексеевича Некрасова (1821–1878), чей 200-летний юбилей также отмечается в этом году: «*Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придётся — ни мне, ни тебе.*»

По отзыву ещё одного русского классика — М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) (ему исполнилось бы 195 лет), — в тургеневской прозе заключено «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом». После чтения произведений Тургенева «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора».

Но где тут большинству наших соотечественников выбрать время для чтения гармоничной прозы, чтобы поднимать свой нравственный уровень, — иные заботы одолели: всё жёстче сжимаются тиски «торговой кабалы», засасывает в смрадное болото «тина мелочей», заплывает телом душа... Законами дикого сословно-олигархического капиталистического рынка граждане России ввергнуты

в звериную борьбу за существование. Многие находятся за чертой бедности, большинство людей поглощено элементарными проблемами выживания: как оплатить постоянно нарастающие суммы налоговых уведомлений и квитанций ЖКХ, на чём сэкономить до скудной зарплаты, до нищенской пенсии... До литературы ли тут?

Великий писатель, благодаря которому провинциальный Орёл прославился доброй славой во всём цивилизованном мире, сейчас мало кому вспоминается и на его малой родине. Создаётся впечатление, что Тургенев и его творчество никому не нужны, не интересны. Классику мировой литературы в Орле ни раньше, ни теперь не посвящались духовно наполненных существенных событий значительного масштаба.

Редкие заорганизованные «мероприятия», связанные с именем Тургенева, никак не могут пробиться на широкий общественный простор сквозь узилище кафедральных междусобойчиков, заточение кулуарных музейных посиделок да запылённых библиотечных выставок. Лишь изредка проводятся городские и загородные бутафорские представления — так называемые «тургуевские праздники», на мой взгляд, больше похожие на часть многолетней непрекращающейся пиар-кампании депутатов-чиновников, которым в этом содействуют некоторые ретивые «деятели культуры». На протяжении многих лет все они более пекутся о фиктивном имидже «борцов за культуру», используя эту тему как широкое поле для самопиара, но никак не для восстановления и сохранения святынь общерусской культуры. Издревле на Руси известна поговорка: «Мели, Емеля, — твоя неделя». А в литературе писателем-орловцем Лесковым в курьёзном рассказе «*Маленькая ошибка*» был художественно воссоздан реально существовавший персонаж — Иван Яковлевич Корейша (1780–1861) из дома для душевнобольных и «*скорбных на голову*», к которому недалёкие люди за советом бегали.

Всё, что порой выливается на улицы «литературной столицы» под названием «тургуевских праздников», с сопутствующей торговлей шашлыками, бубликами, безделушками, никоим образом не соответствует духу Тургенева. Таким, например, было карнавальное шоу, не имеющее никакого отношения ни к писателю, ни к русскости, под сомнительным и пошлым названием «*Мода на русское*». Как известно, мода — явление временное, быстротечное. Значит, по мысли затейников этого балагана, русское — это не бессмертное состояние души и духа человека, а нечто недолговечное, скоропреходящее, во что можно поиграться, вырядиться, а затем скинуть и забросить, как вышедшее из моды тряпье, и покончить с ним навсегда.

В городе имеются места, связанные с именем писателя: улица, театр, музей. Памятник — на берегу

Оки. Бюст — в заповедном уголке Орла «Дворянское гнездо», которое уже потеснено элитной застройкой местных нуворишей. Но живого духа Тургенева и его благодатного творчества не ощущается. Для большей части орловцев писатель — не более чем истёртая полузабытая страница недочитанного и недопонятого школьного учебника или бронзовая фигура на постаменте.

Люблю и помню прежний Орёл — тихий, зелёный, уютный. Тот самый, что, по известным словам Лескова, «*всплоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город*». Нынешний город совсем не похож на Орёл моего детства и юности, а тем более на тот «*город О.*», что описан Тургеневым в романе «*Дворянское гнездо*» (1858): «*Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури. Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... <...> сидели две женщины. <...> При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город*».

Сегодняшний Орёл безвозвратно утратил своё былое очарование. Город зверски изуродован капиталистической застройкой на каждой выгодной пяди земли. Варварски снесены многие старинные здания — памятники архитектуры. На их месте высятся монстры: торговые центры, гостиничные и развлекательные комплексы, фитнес-клубы, питейно-увеселительные заведения и прочее. На окраинах расчищают места под уплотнённую застройку, вырубаят рощицы — наши «зелёные лёгкие», которые хоть как-то спасали от смрада, смога и выхлопов нескончаемых автомобильных пробок. В центральном городском парке — и без того убогом — губят деревья. Прогуляться и просто подышать чистым воздухом горожанам уже негде. Старые липы, клёны, каштаны гибнут под бензопилой, а на их месте появляются очередные уродливые чудища — безобразные забегаловки с опасным для здоровья фастфудом. В областном центре расплодилось огромное количество пивнушек, рюмочных, кальянных и прочих злчных мест. Существуют, например, питейные заведения, которые находятся в двух шагах от православных храмов. После обильного застолья и выпивонов удобно, наверно, прямо по близости зайти помолиться или в пьяно-покаянном угаре устроить обряд изгнания из самих себя бесов, как в рассказе Лескова «*Чертогон*».

Не уберётся от изуверского нашествия «*торговой кабалы*» и Тургеневский бережок, названный так ещё в девятнадцатом веке, — знаменательное место на высоком берегу Оки, где установлен памятник Тургеневу. На эту достопримечательность указал в своё время землякам-орловцам Лесков:

«Отсюда,— писал Николай Семёнович,— знаменитое дитя впервые окидывало своими глазами небо и землю, и, может быть, здесь же было бы хорошо поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробудивший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славой во всём образованном мире».

Долгие годы фоном для памятника всемирно известному великому русскому писателю служила режущая глаз надпись «Coca-Cola» на ярко-красной тряпке, что моталась над торговой точкой, обсохавшейся здесь же— на Тургеневском берегу.

Торгашеская зараза перекинулась на родине Тургенева на его произведения. Их названия служат в Орле вывесками накинутых на горожан торгово-доходных сетей, что оплели город, словно гигантская паутина: «Тургеневский», «Бежин луг», «Малиновая вода»...

Невольно задаёшься вопросом: с какой целью к торговому центру прилеплено название «Тургеневский»? Ведь Тургенев-то торгашом не был. Он не может сейчас за себя постоять, вот и склоняется его светлое имя направо и налево— для прикрытия продажности, завлечения покупателей, особенно прежних посетителей родины великого русского писателя. Не логичнее ли назвать торговый центр именем какого-нибудь известного в городе современного деятеля-торговца или в честь именитых купцов, живших в Орле: например, «Серебренниковский»? Можно короче: просто «Серебряный». В этом случае название будет напоминать о вечном предателе Христа Иуде, продавшем Господа на муку крестную за тридцать сребренников. Но в Орле всё наоборот. Всё, как любил повторять Лесков, «*шиворот-навыворот*»: областное управление культуры располагается в бывшем доме торговца, кушца Серебренникова, а торговые точки орудуют под славными именованиями, похищенными из сферы русской духовной культуры. Прав был Лесков, утверждая, что у нас, в России, «*что ни шаг, то сюрприз, и притом самый скверный*».

И вот очередной «сюрприз»— «самый скверный» из скверных— не заставил себя долго ждать. Буквально перед 200-летием великого классика— были грубо попраны и гнусно опошлены заглавия его наиболее христиански одухотворённых великих романов, в основе которых неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертия, тургеневское предчувствие «жизни бесконечной» для людей— как детей общего Отца Небесного.

«Дворянское гнездо»— так названо агентство недвижимости, открывшееся вблизи памятника Тургеневу. «Отцы и дети» стали названием «гастробара и винотеки». Расположилось это заведение не где-нибудь, а прямо напротив филологического факультета (по-нынешнему— института) Орловского государственного университета имени

И. С. Тургенева (огу в этом году отмечает 90 лет со дня создания). Руководство и преподаватели факультета и университета, как всегда, отмолчались, восприимчива случившееся как нечто должное или ничего не значащее. В то время как в этом безобразном явлении обнаруживаются не просто духовная и умственная неразвитость, невежество, безвкусица, пошлость. Здесь пик духовной деградации, цинизма, бессовестности, прямого издеательства и глумления над творческим наследием и памятью великого писателя в год его 200-летия!

Может быть, продолжая надругательство над всемирно известным тургеневским произведением, учредители и строители гастрономического-питейного заведения доведут ситуацию до абсурда и будут использовать образы бессмертного романа для завлечения посетителей— выпивох и любителей побаловать свой желудок? Например, бармен примет образ утончённого аристократа Павла Петровича Кирсанова. Блистательная Анна Сергеевна Одинцова и загадочная княгиня Р. будут официантками. Простодушная Феничка— посудомойкой. Визгливый Ситников и «эмансипе» Кукшина— мастера устраивать бедлам— к примеру, подойдут на роли ресторанных музыкантов. Интеллигентный и сдержанный Николай Петрович Кирсанов будет швейцаром. «Бланманже» Аркадий Кирсанов и его невеста Катя станут зазывалами. Ну а главному герою романа Базарову— самому мощному по духу и физической силе— достанется роль вышибалы.

«*Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно*»... Здесь уже не край адской бездны, а самое её дно!

Ни Тургеневу, ни его наследникам и в голову не пришло бы делать из заглавий его произведений зарегистрированный товарный знак, «бренд», чтобы в дальнейшем никто не мог на него покуситься. Но теперь с юридически-формальных позиций всё вроде бы совершается на законных основаниях. Вот и пускаются эти названия на продажу, затаскиваются в торговый оборот, истрёпываются, опошляются лавочниками и торгашами. По действующему законодательству всё разрешено. Но где же законы совести, душевной опрятности, элементарной порядочности? Вопрос риторический, и отыскать на него ответ в нынешней ситуации представляется невозможным. И снова всплывает тургеневское: «... как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?»

Голос людей, равнодушных к облику и судьбе города, отданного на растерзание, на распродажу,— не более чем «*глас вопиющего в пустыне*». Если бы вдруг воскрес добросердечный, гармоничный Иван Сергеевич Тургенев— благородный противник торгашества, подлости и пошлости, невежества и лжи,— сбежал бы он, наверное, подальше от нынешнего Орла— города, в котором появился

на свет Божий. Ушёл бы побродить в Полесье или по окрестностям Спасского, остался бы наедине с врачующей душу среднерусской природой, подальше от бессовестных спекуляций его светлым именем и творчеством.

Похищая у Тургенева название его великого романа для «гастробара и винотеки», учредители этого авантюрного заведения, по евангельскому слову, *ни Бога не боялись, ни людей не стыдились*. Справедливо предрекал подобным предпринимателям другой классик — земляк и защитник тургеневского наследия Лесков — в своей драме «*Расточитель*» (1867): «*Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные — потомство, Бог, история осудят*». Писатель горячо выступал в защиту «*генерала от литературы*» Тургенева — «*слишком крупного среди всех наших величин*» — от всякого рода «*литературных* (и не только литературных. — А. Н.-С.) *хамов*».

Также и Лескова наряду с Тургеневым приспосабливают в Орле под продажные нужды. Распоясались до того, что лукаво умудрились опозлить дивное именование его замечательной христиански одухотворённой повести — выстроили гостиницу с рестораном «Очарованный странник».

На моей памяти было и ещё нечто жуткое. В 1990-е годы, о которых теперь повсеместно принято упоминать не иначе как «лихие девяностые», в Орле продавали вино кроваво-красного цвета с этикеткой «Леди Макбет Мценского уезда»... Подразумевалось, вероятно, что в бутылке намешана кровь жертв, убиенных мценской купчихой Катериной Измайловой... Так незаметно жертвами стали и потребители подобной околосредневековой продукции.

В настоящее время бронзовые фигурки орловских писателей, запрятанные между уродливыми громадами сооружений торгово-развлекательного комплекса «ГРИНН», служат своеобразной приманкой для привлечения покупателей и клиентов.

Не так давно на месте развалившегося «Дома Лизы Калитиной», который многие годы был буквально брошен на разрушение, местные чинуши предложили выстроить очередное питейно-увеселительное заведение... Назовёте-то вы его как, «господа хорошие»? «Грибоедов»? Или, может быть, сразу без церемоний — «Тургенев»? А ваши холуи весом поменьше станут подавать в нём «*порционных судачков а натюрель*» и будут предлагать «*закусить водку грибочком*»? И ходить на шабаш туда станут «элита» и «богема» — безбожники и черти в человеческих шкурах, подобные приснопамятным председателю МАССОЛИТА Берлиозу и бездарному поэту Бездомному из сумасшедшего дома. Таких самовлюблённых горе-литераторов, которые проскакали мимо христианнейшей в мире

великой русской литературы, в Орле хватает в избытке.

Опомнитесь, пока не поздно, несчастные! Может быть, Господь сжалятся, ибо Он долготерпелив и многомилостив, ждёт искреннего покаяния грешников.

Но сейчас всё святое и чистое попорно, раздавлено, смешано с грязью. Метастазы рыночного торжища гипертрофированно разрослись и поразили насквозь государство и право, политику и экономику, науку, культуру и искусство, образование и здравоохранение — все без исключения сферы жизни, в том числе духовно-нравственную. Торгашество и продажность стали «нормой», устойчивым атрибутом, основной приметой нашего «*банковского*» (по лесковскому слову) периода.

Пресловутый всепроникающий «рынок» гротескно персонифицировался, превратился в некий идол, адское чудовище. Оно заглатывает и пожирает людей, перемальвает в своей ненасытной утробе всё здоровое и живое, а затем извергает вон и снова питается отработанными продуктами своей жизнедеятельности в этом нескончаемом круговороте «торгового дерьма в природе». Торговые центры, рынки, магазины, питейно-развлекательные заведения — с их непременным «*мочемордием*» (ещё один выразительный словобраз, употреблённый Лесковым) — множатся безостановочно. Быть «хозяином» — магазина ли, а лучше нескольких, развлекательно-питейного ли заведения или хотя бы захудалой лавчонки, но только чтобы наживаться и помыкать другими, — норма жизни, современная идея-фикс. Человек, наделённый Господом высшим даром свободной духовности, рассматривается в торгово-рыночных отношениях как «*кабальный холоп хозяина, лакей и помыкушка*».

Между тем отношение к «торгашам» в истинно русском народе исконно было негативным. Остатки такого народного отрицания духа торгашества редко, но пока ещё можно отыскать в русской деревне, в самой глубинке, где доживают свой век немногие старики. В одной такой деревушке, запрятанной вдалеке от дорог среди лесных заповедников, в настоящем «медвежьем углу», Вера Прохоровна Козичева — простая русская крестьянка, вдова лесничего, в юности связанная партизанского отряда — категорически не захотела взять с меня денег за молоко. В ответ на мои резоны, что я уже покупала домашнее молоко у продавщицы деревенского магазина, Вера Прохоровна решительно ответила: «Я не торгашка! Ты меня с ней не равняй!»

Разбогатевшие в «*сфере плутней и обмана*» купцы-«пупцы» — «*прибыльщики и компанейщики*» (как именовал их Лесков) — на «*ярмарке тщеславия*» становятся «*самыми мелочными и ненасытными честолюбцами*», лезут во власть и в знать: «*... купец постоянно в знать лезет, он „мошной*

вперёд прёт». И это вот безобразие выдаётся за «образец», к которому учат стремиться с младых лет и в нынешней школе, откуда сейчас изгоняется отечественная литература — столько ненависти у властей предрержащих к честному одухотворённому слову русских писателей.

Снова отметим ещё один юбилей — 160 лет статье Лескова с гениально-ёмким названием «*Торговая кабала*» (1861). Возвышая голос в защиту детей от торгашеской заразы, в этой яркой публицистической работе писатель обращал внимание на «*ничем не оправдываемое жестокосердие иных хозяев в отношении к мальчикам и крайнее пренебрежение к их нуждам и цели, с которою они отданы в лавку родителей или вообще лицами, распоряжающимися младенческими годами детей, торчащих перед лавками и магазинами с целью закликания покупателей*». Сегодня мы сплошь и рядом также встречаем таких детей — зачастую продрогших и озябших, «*торчащих перед лавками и магазинами с целью закликания покупателей*», раздающих рекламные листовки и проспекты, шныряющих по подъездам, электричкам, организациям, — в надежде продать какой-нибудь мелочной товар.

С тревогой и возмущением писал Лесков об антихристианских отношениях деспотического подавления со стороны одних и рабской закабалённости других. Тяжёлая экономическая и личная зависимость угнетённого человека, его подневольное положение оборачиваются рабством духовным, неизбежно ведут к невежеству, духовной и умственной неразвитости, развращённости, цинизму, деградации личности. В результате «*крепостного развращения*», отмечал писатель в другой статье — «*Русские общественные заметки*» (1870), люди становятся жертвами «*непроглядной умственной и нравственной темноты, где они бродят ошущью, с остатками добра, без какой твёрдой заправы, без характера, без умения и даже без желания бороться с собой и с обстоятельствами*».

Лесков вместе с А. Н. Островским (1823–1886) (в нынешнем году 135 лет памяти великого русского драматурга) выступил обличителем «*тёмного царства*», изображая вечный конфликт добра и зла, воплощённый в современном мире буржуазно-юридических установлений. В лесковской пьесе «*Расточитель*» показан шестидесятилетний торговец Фирс Князев — «*вор, убийца, развратитель*», который пользуется своим положением «*первого человека в городе*» и безнаказанной продажностью судебной российской системы. Антипод Князева — добрый и деликатный Иван Молчанов — предстаёт в роли мученика, жертвы тиранического произвола властей. Молодой человек, обращаясь к «*хозяевам жизни*» — своим истязателям, обличает беззаконие: «*Вы расточители!.. Вы расточили и свою совесть, и у людей расточили всякую веру*

в правду, и вот за это расточительство вас все свои и все чужие люди честные — потомство, Бог, история осудят». Хорошо было бы в современное капиталистическое время увидеть пьесу на сцене театров России. Например, в Туле не испугались властей предрержащих, и с 2016 года спектакль «*Расточитель*» появился в репертуаре Тульского драматического театра, пользуясь заслуженным вниманием зрителей. А про гоголевского «*Ревизора*» в театрах сейчас, наверное, и не вспоминают. Неужели так силён страх постановщиков перед «*властью тьмы*»?

Статья Лескова «*Торговая кабала*» (1861) была написана чуть ли не накануне отмены крепостного права — Манифеста 19 февраля 1861 года — 160 лет назад. В современном обществе в юриспруденцию впору вводить эту якобы «хорошо забытую» новую отрасль права — крепостное право — наряду с гражданским, семейным, административным и прочим «*правом*». «*Сохранившийся остаток кабального холопства древнекабальных времён*» в модернизированном виде давно и прочно внедрён в нашу жизнь. Сограждане и сами не заметили, как стали крепостными холопами, влачущимися «*жизнь взаимы*»: не можешь заплатить долги — не смей двинуться с места. Многие уже очутились и многие ещё окажутся в бессрочной долговой яме, были и будут запутаны в тенёта сетевой торговли и маркетинга, ловушки кредитов, ипотек, ЖКХ, ИНН, СНИЛС, УЭК, ЦИК, ОНФ, ТВ, СМИ, СБЕР и прочего. Число им — легион, имя им — тьма...

«*Ипотека на полвека*» — один из таких популярных «*банковских продуктов*» кабального свойства — выдаётся с лукавым видом невероятного благодеяния. Ограбляемый должник, вынуждаемый ради крыши над головой покорно влезать в искусно расставленную долгосрочную западню, порой и сам не заметит, как эта крыша обернётся для него гробовой крышкой.

А вот и новейший пик торговой кабалы, её ужасающая кульминация апокалипсического свойства. Человек — «*венец творения*», созданный по образу и подобию Божию, — должен стать маркированным товаром, уподобиться бездушному предмету с его непременным штрих-кодом или бессловесному заклеимённому скоту, то есть принять электронный документ с чипом, клеймо, метку, штрих-код в виде сатанинского начертания числа 666 на лоб или руку: «*И он делает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их*» (Откр. 13:16). Иначе — властное устрашение буквально по Апокалипсису: «*...никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его*» (Откр. 13:16–17). А без этого, уверяют нас сегодня, якобы остановится нормальная жизнь. Несогласные продать душу сатане

окажутся вне антихристианского электронно-крепостного закона, станут гонимыми изгоями, исторгнутыми из всеобщего торгового оборота.

Господь же — напротив — торговцев изгонял из храма, уподоблял их разбойникам: *«И, вошед в храм, начал выгонять продающих и покупающих, говоря им: написано: дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников»* (Лк. 19:45—46).

Лесков пророчески утверждал: *«Не знаем мы, когда прорвётся этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что нескоро»*. Тему социальной и духовной закабалённости человека товарно-денежными отношениями писатель разрабатывал на протяжении всего творческого пути — от ранних статей: *«О продаже в Киеве Евангелия»* (1860), *«Торговая кабала»* (1861), — до самых последних работ: статьи *«Писательская кабала»* (1894), «прощальной повести» *«Заячий ремиз»* (1894).

Но даже на Орловщине — малой родине Лескова — память о нём также стирается, намеренно предаётся забвению. В родном городе писателя, ставшем местом действия множества лесковских книг, известных далеко за пределами России, многие горожане могут назвать хотя бы несколько произведений (кроме разве что *«Левши»*, известного благодаря хорошо снятому мультику) или имён их героев в композиции памятника Лескову, установленного в 1981 году, к 150-летию писателя, ровно сорок лет назад. Уникальный орловский Дом-музей Н. С. Лескова не был отреставрирован даже к своему 40-летию (июль 2014 года). Только после выступлений прессы местные чиновники от культуры спохватились и наобещали прикрыть этот позор, но не ранее чем к 2017 году. И, как всегда, не успели. Работы по реставрации здания потихоньку велись, однако не обошлось без ремонтно-отделочных выкрутасов и строительнометных казусов. В настоящее время горе-«ремонт» всё ещё продолжается... Единственный в мире Дом-музей Н. С. Лескова до сих пор закрыт...

Впору сказать, перефразируя Михаила Булгакова (1891–1940) (гениальному писателю — 130 лет): *«Пропал старинный русский город, как будто не существовал на свете»*. Так и глубинная Россия — как *«Забывтая деревня»* (1856) в хрестоматийном некрасовском стихотворении, которому исполнилось 165 лет, — забыта, заброшена на произвол судьбы.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения культуры, полноценного образования. Голоса по-настоящему обеспокоенных этой проблемой людей также остаются не доходящим до адресата, неуслышанным *«гласом вопиющего в пустыне»*.

Такой участи лучше бы пожелать современным руководителям российского просвещения — затейникам ЕГЭ и ОГЭ, преднамеренно оглуляющим

учеников, заранее поделившим на касты детей, с младенчества встраиваемых в государственную машину по закабалению и подавлению личности на всех социальных уровнях. Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого «среднего класса» вынуждены учиться *«чему-нибудь и как-нибудь»*. В лучшем случае их ждёт удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем — они становятся просто «рабочей силой» или «человеческим материалом», которым власть имущие могут распоряжаться по своему усмотрению.

Государственные образовательные учреждения с их педагогическими кадрами встроены в государственную систему, являются её частью, выполняют политизированный госзаказ. Безбожно урезаются «сверху» и без того скудные часы школьной программы, отведённые на изучение русского языка и литературы.

Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической, тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Это примета нашего времени, неоспоримый факт. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто её не стыдится.

Автор данных строк свидетельствует, что многие учащиеся выпускных классов орловских школ, гимназий и лицеев даже не знают, как пишется фамилия великого земляка, искажая её до неузнаваемости: *«Тургенив»* или даже *«Тургеньив»*. Создается впечатление, что в орловских учебных заведениях, как и повсюду в России, из детей формируют каких-то инопланетян-пришельцев, без культурно-исторического наследия, без родства и родины, *«как будто и весь род русский только вчера наследка под крапивой вывела»* (так сокрушался ещё Лесков).

Литературу поспешно «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязаловку. Русская классика в школе ещё не прочитана, её глубинный духовный смысл не доводится учителями до ума и сердца учеников, потому что зачастую не доходит и до самих бездарных, недоученных или бездуховных горе-педагогов. Русскую литературу преподают примитивно, поверхностно, обзорно, не требуя обязательного вдумчивого, размеренного прочтения произведений великих русских писателей, ограничиваясь приблизительными, азбучными пересказами. Так навсегда отбивается охота возвращаться к сокровищнице отечественной словесности в дальнейшем, перечитывать и постигать её на новых уровнях *«разумения о смысле жизни»*. Преподавателям словесности требуется не просто

занимать свои рабочие места—здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда *«душа требует, совесть связует, тогда и сила большая будет»*,—так учил святитель Феофан Затворник, великий духовный писатель, земляк Тургенева и Лескова—также уроженец орловской земли.

Среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности борьбы за существование. О подобных закоренелых грешниках апостол Павел свидетельствовал, что *«они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы»* (Рим. 1:29–31).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский утверждал, что *«без Христа суетно всё образование»*. Кому и для чего выгодно вылепливать в *«безбожных школах»* духовно неразвитых самолюбивых безбожников, подменяя Христа ложными идеалами и кумирами? Христос же, согласно утверждению Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881),—*«вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек»*. Достоевскому, великому русскому классику-пророку, осенью нынешнего года, богатого на юбилеи, исполнилось бы 200 лет; в феврале—140 лет памяти писателя.

Улесковского романа *«На ножках»* (1871) в этом году также юбилейная круглая дата. Несмотря на сто пятьдесят лет, истекшие со времени создания этого произведения, оно нисколько не утратило своей социально-нравственной значимости и по-прежнему звучит потрясающе современно. Писатель выявил здесь самые разнообразные типы продажных, беспринципных дельцов зловещей капиталистической эпохи—*«деятелей на все руки»* сатанинской закваски: *«Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой—капиталист; третий—известный благотворитель, живущий припеваючи за счёт филантропических обществ; четвёртый—спирит <...>; пятый—концессионер, наживающийся на казённый счёт; шестой—адвокат <...>; седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другою—порицает её»*. Сущность их *«направления»* выразительно обобщает говорящая фамилия некоего *«медицинского студента»*, занимающегося педагогической практикой,—*«Чёртов»*:

«— Гм! Фамилия недурна! — Да, и с направлением».

Это *«направление»*, как смертельная зараза, распространяется бесами—губителями душ. Так, *«медицинский студент Чёртов»*, ради заработка готовя ребятешек к поступлению в приходское училище, внедряет в детские головы и сердца

на формирование усреднённого *«продукта»*—биороботов, узких специалистов-прагматиков, выставляемых как товар на рынок труда. Невнимание к духовной природе человека, отказ от Бога, отрыв от русской почвы подводят к тому, чтобы воспитанники безбожных школ в России обращались в мошенников и авантюристов, преступников и злодеев, живущих по звериным законам борьбы за существование. О подобных закоренелых грешниках апостол Павел свидетельствовал, что *«они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы»* (Рим. 1:29–31).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский утверждал, что *«без Христа суетно всё образование»*. Кому и для чего выгодно вылепливать в *«безбожных школах»* духовно неразвитых самолюбивых безбожников, подменяя Христа ложными идеалами и кумирами? Христос же, согласно утверждению Фёдора Михайловича Достоевского (1821–1881),—*«вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек»*. Достоевскому, великому русскому классику-пророку, осенью нынешнего года, богатого на юбилеи, исполнилось бы 200 лет; в феврале—140 лет памяти писателя.

Улесковского романа *«На ножках»* (1871) в этом году также юбилейная круглая дата. Несмотря на сто пятьдесят лет, истекшие со времени создания этого произведения, оно нисколько не утратило своей социально-нравственной значимости и по-прежнему звучит потрясающе современно. Писатель выявил здесь самые разнообразные типы продажных, беспринципных дельцов зловещей капиталистической эпохи—*«деятелей на все руки»* сатанинской закваски: *«Вот один уже заметное лицо на государственной службе; другой—капиталист; третий—известный благотворитель, живущий припеваючи за счёт филантропических обществ; четвёртый—спирит <...>; пятый—концессионер, наживающийся на казённый счёт; шестой—адвокат <...>; седьмой литераторствует и одною рукою пишет панегирики власти, а другою—порицает её»*. Сущность их *«направления»* выразительно обобщает говорящая фамилия некоего *«медицинского студента»*, занимающегося педагогической практикой,—*«Чёртов»*:

«— Гм! Фамилия недурна! — Да, и с направлением».

Это *«направление»*, как смертельная зараза, распространяется бесами—губителями душ. Так, *«медицинский студент Чёртов»*, ради заработка готовя ребятешек к поступлению в приходское училище, внедряет в детские головы и сердца

безбожие, атеистическое презрение к Священному Писанию.

Весьма характерна зарисовка экзамена:

«— *Читать умеешь?* — *вопросил Савоську лопухий педагог.*

— *Ну-ка-ся,* — *отвечал с презрением бойкий малец,*

— *И писать обучен?*

— *Эвося!* — *ещё смелее ответил Савоська.*

— *А Закон Божий знаешь?* — *встрел поп.*

— *Да коего лиха там знатъ-то!* — *гордо, презрительно, гневно, закинув вверх голову, рыкнул мальчуган, в воображении которого в это время мелькнуло насмешливое, иронически-честно-злое лицо приготавливавшего его студента Чёртова.*

Этот ответ и ремарка к нему не могут не вызвать евангельского восклицания: «*Отойди от меня, сатана!*»

Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил святой старец Силуан Афонский (1866–1938) (в нынешнем году старцу Силуану — 155 лет): «*Всякое зло <...> паразитарно живёт на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облечённым в одежду добра, и нередко высшего добра,* потому что «*зло всегда действует обманом, прикрываясь добром.*» Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «*добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову.*»

В романе «*На ножках*» Лесков разоблачил также один из распространённых способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных еврею Тихону Кишенском, экс-нигилисту, жадному и хитрому ростовщику, мошеннику, продажному журналисту, вероломному интригану, шпиону, «полицейанту», подлецу и предателю — словом, «*деятелю на все руки.*» Таким, как он, «*нужен столбовой дворянин,*» в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями добродетели, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне.

О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые Отцы — христианские подвижники. «*Видимыми бесами*» назвал иудеев в пятом веке святитель Кирилл,

патриарх Александрийский; «*самые души иудеев есть жилища демонов,*» — утверждал святитель Иоанн Златоуст.

В Евангелии от Иоанна повествуется, как Господь Иисус Христос обличал сатанизм иудеев: «*Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего*» (Ин. 8:44); «*Кто от Бога, тот слушает слова Божию. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога*» (Ин. 8:47). От общения с подобными безбожниками предостерегал апостол Павел: «*Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?*» (2Кор. 6:14)

В этой связи наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «*Овцебык*» (1862) обращался к тем так называемым «благодетелям» народа, у которых слово расходится с делом: «*А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Всё на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не брешу. <...> ...эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрешеньками забавляй.*»

Золотой фонд русской литературы востребован за рубежом, а в России упрятан на задворки. В то же время не один десяток лет с попустительства и дозволения правящего режима во всех регионах людей массово одурманивают, зомбируют, оглушают душепагубной информацией, потоки которой извергаются словесными нечистотами из огромного количества продажных и подконтрольных сми, жёлтой прессы, бульварного массового чтива, «зомбоящика» и тому подобного.

Былой атеизм коммунистов ныне сменился сатанизмом словесно-олигархического капитализма, который разделяет людей на страты, прикрываясь фальшивым лозунгом о единстве и легендой о демократии. Политика «прозрачности» на деле обернулась «*тайной беззакония.*» На страждущую Россию накинута плотная завеса, под которой задыхается всё честное и свободное. Лукавство и ложь продажных, коррумпированных, бездарных чиновников возводятся в ранг обязательных правил поведения с народом, а подчас принимают формы нормативных правовых актов, которые наскоро стряпают фарисействующие «*законники разноглагольного закона*» (по точному выражению Лескова), вместо того чтобы свято исполнять заповеди Христа, «*который дал нам глаголы вечной жизни.*» Господь в праведном гневе обличает и предостерегает угнетателей народа, не обременяющих самих себя теми путями и ограничениями, которые эти горе-законники накладывают на других: «*Горе вам, фарисеям, что любите председания в синагогах и приветствия в народных собраниях. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что вы — как*

гробы скрытые, над которыми люди ходят и не знают того. <...>...и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобноносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:42–46).

Известный итальянский адвокат-юрист и учёный-славист Пьеро Каццола (1921–2015), знаток русской культуры, переводчик творчества Лескова и других русских писателей (в октябре этого года профессору исполнилось бы 100 лет), проводил аналогию между сицилийской и российской мафией, этим чудовищным спрутом в переплетении его гигантских смертоносных щупалец—финансовых, чиновно-коррупцированных, коммерческих, криминальных.

Как ни парадоксально, но русской классической литературе сегодня как никогда требуются защитники, «адвокаты», чтобы отстаивать само её право на существование в современной России, где нивелируется и вытраивается всё русское, безбожно попираются традиционные духовно-нравственные ценности, *Божие* вытесняется *кесаревым*. Самое главное в русской литературе—Христос, христианская вера, одухотворённая русским православым подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей.

Неслучайно святой апостол призывал: «...не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1Ин. 4:1). Русские писатели-классики были истинными пророками. Но, видимо, настолько безмерно щедра наша земля на таланты первой величины, что вошло в привычку не замечать и не ценить их. В одной из своих статей о Тургеневе Лесков с болью признавал библейскую истину о судьбе пророков: «В России писатель с мировым именем должен разделить долю пророка, которому нет чести в отечестве своём».

Тургеневу, как и его выдающимся современникам—великим русским писателям, в его эпоху тяжело было выносить гримасы «суетливого и суетного» капиталистического времени—«банковского периода». До такой степени, что в год своего 60-летия писатель объявил о намерении оставить литературную деятельность, «положить перо» и никогда более за него не браться. К счастью, этого своего намерения писатель не исполнил.

Как говорил Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе «чем сделаешь её солёною?» (Мф. 5:13)

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16:13),—говорит Христос. Тургенев, Лесков, Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин, как и вся русская классическая литература, неустанно разоблачали псевдоблагодетелей народа. «Чёртовы куклы»—так именовал чиновников-марионеток Лесков. О напускной значительности высокопоставленных

чиновных персон—важных с виду, а по сути ничёмных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству (уместно вспомнить поэтические строки «Колыбельной песни» (1845) Некрасова: «Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»),—Тургенев высказался в романе «Новь» (1876) (роману в этом году—145 лет): «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнутят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят и гнутят в одно и то же время». Лесков подхватил и продолжил столь выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: в тургеневском «последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимицы, которые, добившись генеральства на военной службе, „хрипят“, а по штатской—„гундосят“. Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или „хрипеть“, или „гундосить“. В этом скука и несчастье России». Поистине универсальный портрет «крапивного семени», ненавистного русскому народу,—неистребимой чиновной бюрократии. Писатель обнажает её низменные зоологические черты: «Надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона».

Созвездие литературных юбилеев, приходящихся на 2021 год, скорее всего, останется малозамеченным, второстепенным или вовсе ненужным. Немеркнувший свет русской классики, уходящей корнями в христианство, в Святое Евангелие, принадлежит горизонту вечности. Но в сиюминутном бытии для большинства людей, намеренно погрязших в кабалытерном круговороте нескончаемых забот об элементарном выживании, о хлебе насущном, не востребован хлеб духовный, о котором благовествовал Христос: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий» (Ин. 6:27); «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6:35); «Я хлеб живой, сшедший с Небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Ин. 6:51).

Итак, уповать остаётся только на Бога. Вот почему святой апостол Павел призывает: «...братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:10–12). Как замечал раннехристианский духовный писатель Тертуллиан, бессмертная «душа человеческая—по природе христианка». И она выстоит, победит, несмотря на явный разгул бесовщины в нынешней закабалённой России.